

Осколки хрустальной мечты

Автор:

Ольга Володарская

Осколки хрустальной мечты

Ольга Геннадьевна Володарская

Никаких запретных тем. Остросюжетная проза О. Володарской

Клуб «Хрусталь» считался лучшим в городе. Матвей Абрамов хотел отдохнуть, выпить и, если повезет, с кем-нибудь познакомиться. Но вечер не заладился, и он собрался домой один, когда оказалось, что в «Хрустале» убили женщину... Пришлось следователю Абрамову подключаться к расследованию.

А через неделю тем же способом убили мужчину, но уже не в пафосном клубе, а в ДК машиностроителей, где проходили вечера для тех, кому за тридцать. Эти преступления явно связаны, хотя жертвы существовали в разных мирах... Или все же нет?

Ольга Володарская

Осколки хрустальной мечты

© Володарская О., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая

Глава 1

Матвей Абрамов взглянул на дно стакана и разочарованно вздохнул – виски опять кончился. Остался только лед.

– Братан, плесни мне еще, – бросил он бармену. Парень взялся за бутылку, но был остановлен клиентом: – Не, отбой. Дай пузырь. И не этот, а запечатанный.

– Полулитровая бутылка стоит пять тысяч рублей, – предупредил тот.

– Знаю я, – буркнул Абрамов.

Он частенько бывал в этом клубе в позапрошлом году (с тех пор персонал сменился и его никто не узнал) и употреблял напитки не за пять тысяч, а за двадцать. Те тоже были контрафактными, но хорошего качества. А то, что сейчас ему предлагают, дешевая подделка, но хотя бы неразбавленная, как та, что наливается барменом из початой бутылки.

– Вам стакан поменять? – поинтересовался тот.

– Да. И лед отдельно.

– Может, хотите чем-то закусить?

– Этого хватит. – Абрамов указал на тарелку с бесплатными орешками.

Налив себе виски и добавив в него пару кубиков льда, Матвей встал и подошел к галерее. Клуб под названием «Хрусталь» занимал двухэтажный особняк конца девятнадцатого века. Внизу танцпол, стойка диджея с гигантским экраном, самый большой бар и россыпь столиков-конопушек, за которыми лишь постоять можно. Наверху вип-ложи, диванные зоны попроще, барные стойки и огромная люстра из хрусталя. Она, как сталактит, свисала с потолка и доходила до первого этажа. Если бы диджей встал на свою стойку, то смог бы дотянуться до ее нижнего яруса.

Поставив стакан на широкие перила галереи, Матвей принялся рассматривать публику. Разношерстная, сделал вывод он. Тут и мажоры, и папики, и соски, и бизнес-леди, и проститутки разных полов и цветов кожи. Среди последних особенно выделялись пареньки из Африки, призывно дергавшие пахом в танце. Мода на экзотику давно прошла, но ее ценители остались. Абрамов к ним не относился, но в двадцать с небольшим переспал с черной как ночь девушкой из Эфиопии. Он пришел в восторг от ее гигантских ягодиц. Специфический запах не отвратил, а показался пикантным. Спутанные в дреды волосы разве что не понравились, но тоже не критично. Однако он больше не спал с темнокожими. С азиаткой, да, попробовал. Но все это для галочки. Как и секс втроем. Он тоже был у Абрамова...

Впрочем, чего только у него не было!

– Привет, красавчик, – услышал он над ухом и обернулся. Смазливый транс двухметрового роста (и это без каблуков) игриво улыбался Матвею. – Не угостишь даму бухлишком?

– Отвали.

– Фу, как грубо!

– Дениска, я дважды повторять не буду.

– Я Даная!

– Мне только не рассказывай, – хмуро проговорил Матвей и сделал большой глоток виски.

С Денисом они когда-то вместе играли в волейбол. Оба были КМС по этому виду спорта. На долгое время они потеряли друг друга из виду, пока не встретились в «Хрустале» полтора года назад. Матвей в клубе ошивался каждую неделю, а Денис только стал выходить в свет. Уже тогда он называл себя Данаей, но гормоны лишь начал принимать и еще не сделал грудь. Когда Абрамов узнал его, то врезал. Денис ответил. Подрались...

Из клуба обоих вывели под белы ручки. За его пределами давние знакомцы еще немного потолкались, после чего распили примирительный пузырь в какой-то подвальной «рыгаловке» и разошлись. После этого если пересекались, то только друг другу кивали.

...И вот сегодня Дениска надумал подойти к Матвею. Зачем? Точно не потому, что решил выпить на халяву. Даная была звездой травести-шоу и могла позволить себе любой напиток.

Будь Абрамов в благодушном настроении, он вступил бы в диалог, но оно оставалось паршивым даже после трех порций виски. И что-то подсказывало – еще пол-литра никак на него не повлияет. Отсюда вопрос: зачем пить? Но как еще справляться с собой, если этого не делать?

Матвей не знал.

Он год сидел на таблетках. Нет, это были не запрещенные препараты, просто сильные обезболивающие. И его организм к ним привык, стал требовать большей дозы. От нее менялось поведение, мутилось сознание. Абрамов некоторое время тешил себя мыслями о том, что в любое время сможет завязать. Накупил китайских травок, но увы... Ни они, ни сеансы иглоукалывания не помогли. Как психо- и гипнотерапия. Абрамов продолжал закидываться таблетками, а после мучиться угрызениями совести. Так бы и продолжал делать это, если бы не отравился. По рецепту ему уже не продавали, купил у барыги, оказалось, поддельные. Три дня в коме пролежал, но оклемался. И завязал. Одно плохо – стал больше пить. И чаще. Уже не по праздникам и после баньки. Каждый день перед сном две-три стопки водки на грудь принимал вместо снотворного. А раз в неделю устраивал попойку. Любил в компании побухать, но если не находил ее, то заваливался в какое-нибудь заведение, где ты пусть не с кем-то, но и не один. Обычно Матвей выбирал демократичные бары недалеко от дома. Благо в его районе их имелось достаточное количество.

В «Хрусталь» Абрамов не собирался: шумно и пафосно. Клуб когда-то считался лучшим в городе и входил в ТОП-10 самых модных заведений России. Но за годы существования он подустал. Открылось много других мест, более прогрессивных. И в «Хрусталь» теперь пускали не только элиту, а каждого более-менее прилично одетого гражданина, способного заплатить за вход. Публика сменилась, как хозяин и персонал. А понты остались: претензии на шик и эксклюзивность. По старой памяти «Хрусталь» все еще считался лучшим

заведением в городе.

Опрокинув в себя виски, Абрамов вернулся к стойке, чтобы налить еще. В клубе было море зеркал, и куда ни повернись, везде увидишь свою физиономию. Поэтому, наполняя стакан, Матвей наблюдал себя с разных сторон. И со всех он выглядел плохо.

Абрамову стукнуло тридцать пять. Солидные тети называли его «молодым человеком», а бабушки «парнем». Но Матвей знал, что выглядит старше своих лет. В первую очередь из-за серьезного лица. Но и частые возлияния даром не прошли. За последний год он заметно постарел. Хорошо, что волосы на месте и пуза нет, а то давали бы ему сорок два, не меньше. В принципе, Матвею было на это плевать, но иногда хотелось нравиться женщинам. А они, как узнавали, сколько ему лет, если не говорили, то явно думали: «Вот тебя жизнь потрепала...»

А она его трепала! Но не будешь же об этом рассказывать первой встречной... Второй и третьей тоже. Единственной – да. Чтобы знала, с кем будет иметь дело. Но Абрамов не надеялся ее встретить. На своем «долго и счастливо» он поставил крест. Была у него одна... С которой он не то чтобы мечтал, а даже планировал умереть в один день... И что же? Она бросила его после шести лет брака... Не ушла, а именно бросила. Пока он лежал в больнице, собрала вещи, свои и двухлетней дочери Настеньки, взяла все имеющиеся в доме деньги и ценные вещи и уехала в неизвестном направлении.

Объявилась спустя четыре месяца. Хотела вернуться, валялась в ногах. И Матвей принял бы ее... Ради дочери. Только ее не стало. Не уследила жена за ней. Ребенок выпил средство для чистки унитаза. Зеленое. Она обожала «Тархун», но ей редко его позволяли из-за аллергии, а тут увидела жидкость такого же цвета и глотнула...

Не спасли девочку.

Тогда Матвей впервые поднял руку на женщину. Исхлестал жену по щекам и пинками выгнал за порог.

Вспомнив о смерти дочки, Абрамов ощутил острую боль в руке. С ней он лежал в больнице, когда жена ушла. Из-за нее подсел на таблетки. В нее как будто

отдавалась вся его душевная боль.

- Надо срочно выпить, - пробормотал Матвей и припал к стакану.

- Огоньку не найдется? - услышал он. Думал, это опять Денис-Даная его окликает, но нет. На сей раз перед Абрамовым стояла женщина. Чуть потасканная, но вполне презентабельная. Лицо подколото ботексом, яркий макияж, добротная, но слишком обтягивающая чуть поплывшее тело одежда: короткое платье и пиджачок под кожу змеи. Не проститутка, скорее, просто слабая на передок мадама. Такие в клубы похаживают, чтоб снять себе мужичка на ночь.

Абрамов достал из кармана джинсовой куртки пачку сигарет и протянул женщине.

- Не составите мне компанию? - спросила она и повела густо нарисованными (или вытатуированными?) бровями.

«Почему нет?» - подумал Матвей и кивнул.

Когда в заведениях запретили курить, в «Хрустале» открыли балконы, куда раньше не выпускали. Они маленькие, народ пьяный, мало ли кто свалится. Но за несколько лет еще никто не пострадал. Зато все наслаждались видом набережной, Волгой, мигающими огнями, судами, мостами, панорамой верхней части города...

- Меня Златой зовут, - представилась барышня, когда они закурили.

- Матвей.

- Вы тут один?

- Ага.

- Как и я.

Он сделал две затяжки и затушил сигарету. Не нравился ему табак. Курить начал по той же причине, что и пить, – это отвлекало.

– Вы кем работаете, если не секрет? – задала очередной вопрос Злата. Никак не могла помолчать! А погода и панорама располагали.

– Волшебником, – хмыкнул Матвей. – И давай на «ты».

– А если серьезно?

Он перевел взгляд с баржи, медленно передвигающейся по Волге, на Злату. «Вот сколько тебе лет? – мысленно спросил он у нее и тут же ответил: – Сорок пять. Но может, ты, как и я, плохо сохранилась, и тогда тебе тридцать восемь. Все равно взрослая девочка. Значит, понимаешь, что твой вопрос неуместен. Надеешься, что я отвечу: «Топ-менеджер «Газпрома»!»? Если да, то ты дура, потому что я тебе совру. Они тут бывают, конечно, но не бухают у стойки дешевой виски, а сидят в вип-ложах с «Кристаллом» в позолоченных ведрах...».

– Поиграем в «угадайку»? – предложил Матвей. – Кем я работаю, по твоему мнению?

Она несколько секунд смотрела на него сквозь дым сигареты. Затем выдала:

– Тренером.

– Почему именно им?

– Чувствуется, что спортом занимался, но давно. А командовать любишь, так что ушел на тренерскую. И кто-то из твоих подопечных добился успеха на международном уровне: на тебе американские джинсы и дорогие швейцарские часы.

– Ты почти угадала, молодец.

– А в чем ошиблась?

- В основном – я не тренер. Но спортом занимался. Джинсы мне сестра прислала из Портленда, она там живет. А часы сам купил.

- Так кем же ты работаешь?

- Я топ-менеджер «Газпрома», – ляпнул он.

- Тогда я королева английская, – хохотнула Злата и покинула балкон.

Матвей был немного раздосадован. Мадам уже начала ему нравиться. Вполне приятная внешне и не такая дура, какой пыталась показаться, Злата могла бы скрасить его ночь. Абрамов давно не спал с женщиной. Пару-тройку месяцев? Он уже не помнил. Одно время делал это строго раз в неделю. Считал, что для психического и физического здоровья регулярная половая жизнь необходима. Предпочитал профессионалок. Он – заплатил, они – отработали. И все довольны. А с этими «порядочными» одна морока. Танцы с бубнами вокруг них исполняешь, денег тратишь втрое больше, а они... трамвая ждут. Не такие, видите ли! А у него уже была «не такая». Жена. Скромница, за которой Матвей долго ухаживал, а она ему рога наставила и бросила. Сбежала, как крыса, когда он тонул...

Абрамову срочно нужно было выпить – стакан залпом. Останется еще один. Больше он заказывать не будет, поедет домой. Если к тому времени Злата, она же королева английская, не покинет «Хрусталь», позовет ее с собой. У Матвея была отличная квартира с панорамным видом на город. Небольшая, но ему хоромы не требовались. Абрамов, имея комнату с просторной кроватью, спал в кухне-гостиной на диване. Дизайнерский ремонт, окна от пола до потолка, шикарный вид – от всего этого телочки перлись. И «не такие», и случайно снятые в том же «Хрустале», и заказанные в агентстве. С семьей Матвей жил в другой квартире, большой, уютной. Но продал после развода и купил эту. С тех пор прошло три года.

...Когда Абрамов шагнул с балкона в зал, то столкнулся с парнем – тощим, длинным, сплошь в лейблах. На кадыкастой шее татуировки-иероглифы. Зрачки расширены. Смех идиотский. Типичный представитель золотой, мать ее, молодежи.

– Дядь, ты давай поаккуратнее, – прогнусавил он и бесцеремонно отодвинул Абрамова в сторону.

Ему сразу захотелось выписать «племянничку» леща или пнуть под тощую задницу, но Матвей сдержался. Вернувшись к стойке, он налил себе виски и попробовал махнуть стакан залпом, как планировал, однако не вышло – алкоголь встал поперек горла. Кашляя, Матвей отправился в туалет на первом этаже. Спускаясь по лестнице, он чуть не упал – не столько из-за опьянения, сколько из-за выступивших на глазах слез. На него тут же зыркнул охранник. Этим хлебом не корми, дай кого-нибудь выгнать из заведения. Особенно им нравилось, когда клиент сопротивляется и ему можно немного наподдать. Секьюрити в клубах получали немного, работали по дурацкому графику, поэтому многие устраивались лишь для того, чтобы ощутить свою власть. Хотя бы просто глянуть грозно, сделать замечание, а если повезет, применить силу.

Матвей скрылся в уборной, умылся. В очередной раз отметил, как ужасно выглядит, когда вытирал руки перед зеркалом. Но он не красная девица, чтобы из-за этого горевать и завязывать с алкоголем. Когда со здоровьем начнутся проблемы, тогда да, придется что-то делать. Кодироваться? Или на этот раз травки и иглоукалывания помогут? Он пока не знал.

Покинув уборную, Абрамов глянул на часы – те самые, на которые обратила внимание Злата. Он носил их три года, и они за это время начали отставать... На шесть секунд. Косяк. Должны идти без погрешностей.

Часы показывали час ночи. Веселье в клубе еще не началось, но Абрамов захотел уехать. Тем более виски в глотку уже не лез. Думая над тем, забирать недопитый или нет, он направился к лестнице, но снова столкнулся с тощим мажором. Тот рыгнул ему в лицо. Неспециально, скорее всего, но «дядя» Матвей разозлился и вlepил-таки парню леща. Тот заверещал так, будто ему Терминатор только что вырвал руку. На вопль кинулся охранник – Матвей уловил боковым зрением. Предусмотрительно поднявшись на пару ступенек и развернувшись, он стал наблюдать за его приближением. Секьюрити, огромный детина с тыквообразной головой, играл мышцами и скорчил зверскую гримасу. Матвея тот позабавил, поэтому он решил покинуть «Хрусталь» без скандала.

– Шеф, расслабься, я ухожу, – спокойно сказал он подбежавшему охраннику. – Провожать не надо, где выход знаю.

– Хрен ты так просто уйдешь, – взвизгнул «племянник». – Паша, наваляй ему!

– Не советую тебе, Паша, это делать, – обратился к охраннику, имя которого только что узнал, Абрамов. Но тот уже был настроен на конфликт:

– А я не спрашиваю твоего совета, понял? В нашем заведении драчунам не место.

– Только дроверам? Таким, как ты?

Паша выбросил огромный кулак (пожалуй, он был не меньше головы), чтобы впечатать его в физиономию Матвея, но тот уклонился. Прodelать это еще раз Абрамов вряд ли сможет. Охранник моложе, спортивнее, и он трезвый, то есть второй удар явно попадет в цель. Если он будет хорошо поставленным, то Матвей отправится в нокадаун и рухнет под ноги Паши.

Позор...

Чтобы такого не допустить, Абрамов решил выкинуть свой единственный козырь, но тут раздался крик. Громкий, пронзительный...

Если бы Матвей знал, что его вызвало, то сказал бы «душераздирающий», но он тогда не понимал, что происходит. И решил, что просто какая-то бабенка разбила бутылку дорогого алкоголя или налетела на зеркало, которое слишком четко отображало ее реальную внешность, а то и искажало, например, полнило.

Охранник тут же переключил внимание – напрягся и повернул похожую на тыкву голову в сторону, откуда раздавался крик. Матвей пару секунд боролся с искушением, но не стал пользоваться моментом и бить Пашу. Вместо этого он прислушался: сначала это был скорее визг, но вскоре он сменился на ор, и пронзительная гласная, то ли «о», то ли «а» уступила место слову «боже». Оно повторялось и повторялось, пока не раздалось:

– Помогите!

– У вас там кто-то молится, – сказал Матвей охраннику. – Но один не справляется.

Павел пропустил его остроту мимо ушей и бросился к туалетам, а Абрамов к выходу.

Его хата с краю, он ничего не знает...

Так бы и ушел, если бы женщина, которая орала, не выбежала в зал. У нее были окровавлены руки, капли с пальцев правой стекали на пол. И одежда ее была запачкана – красивое голубое платье и колготки телесного цвета, причем сзади. Очевидно, дама упала в кровавую лужу.

– Убили, – выдохнула она. – В туалете убили женщину! Вызывайте полицию.

Она опустилась на пол и начала рыдать.

К ней тут же бросились люди, но только не Абрамов. Он направился к туалету.

Охранник Пашка стоял в дверях и выглядел полным идиотом. До этого просто имел глуповатый вид, теперь же походил на умственно отсталого. Он хлопал глазами, глядя на труп женщины, и было похоже, что его сейчас вырвет. Грозный Пашка с пудовыми кулаками никогда не видел покойников, а Абрамов часто. Поэтому остался спокоен.

Женщину на самом деле убили, она не просто упала и разбила голову о раковину или кафельный пол. Ей проткнули шею, и она упала в лужу собственной крови. Вскоре туда же рухнула девушка в голубом платье, поэтому пятно было размазано. Но под головой оно оставалось нетронутым – густым и как будто маслянистым.

Тошнотворным...

И в нем плавало орудие преступления.

Абрамов хотел рассмотреть, что это, и сделал два шага вперед.

– Куда? – рыкнул на Матвея охранник, выйдя из ступора. – Сюда нельзя!

– Мне можно.

- Ты че, самый борзый?

- Типа того...

Он достал из кармана удостоверение майора МВД и представился:

- Следователь Абрамов.

Глава 2

Щемило сердце.

В последнее время тупая боль в груди стала верной спутницей Окси. Всему виной кофе и энергетические напитки, которые она поглощала, работая в ночном клубе «Хрусталь» диджеем. До этого девушка трудилась там же барменом. Они все выпивают (исключения настолько редки, что их можно не считать) и держатся до утра на шотах текилы или водки. Окси тоже пила. Развести клиента на то, чтобы он угостил бармена, тоже являлось частью работы. Чем больше ты его продашь, тем выше будет твой заработок. А Окси в деньгах нуждалась. Но алкоголь отдавал в ноги, которые у нее были слабыми, в отличие от сердца. На него Окси раньше не жаловалась и перешла на коктейли с энергетиком, в которые лишь капала водку.

И все равно было тяжело. Работа бармена – не для Окси. Точнее, не для ее ног. Стоять всю ночь было невыносимо. Здоровые люди уставали, а уж она...

Окси получила сложную травму бедер при рождении. До двух с половиной лет не ходила, потому что ей поставили распорки, а в них она могла только лежать и сидеть. Когда их сняли, девочка начала ползать, и делала это превосходно. Но ее ставили на ноги, а ей было непривычно. А еще больно и неудобно. Но все же она научилась стоять, а вскоре пошла. В три года Окси уже твердо держалась на своих кривеньких ножках, худо-бедно бегала. Но ей хотелось поспевать за остальными детками, а этого не получалось, поэтому она много падала и плакала не столько от боли, сколько от обиды. Она так старается, а у нее ничего не выходит!

В школе у Окси было освобождение от физкультуры, но она ходила на нее. Кроссы не сдавала, прыжки ей так же не давались, зато она отлично качала пресс и метала гранаты. В двенадцать лет занялась стрельбой из лука и получила первый юношеский разряд, но связать себя со спортом не получилось. Нагрузка на позвоночник была слишком велика, и Окси сошла с дистанции. Занялась музыкой. Имея идеальный слух и упорство, она научилась играть на гитаре и губной гармошке. Некоторое время подрабатывала игрой на них, выступая на главной пешеходной улице города. Тогда ей было шестнадцать, Окси училась в десятом классе и уже четыре года, как копила деньги на исполнение своей мечты...

– Оксана Игоревна, – услышала она оклик и встряхнулась. Долой воспоминания! И на боль в грудной клетке нужно перестать обращать внимание, как-никак не в первый раз сердце щемит. – Вы готовы ответить на мои вопросы?

– Конечно, – кивнула бритой головой Окси.

Ее, как и остальных, опрашивали приехавшие в «Хрусталь» менты. Тьфу, полицейские, конечно, поправила себя она.

– Вы знали погибшую женщину?

– Нет.

– Хотя бы в лицо?

Окси снова качнула головой.

– Ее имя Злата. И она частенько захаживала в ваш клуб.

– Может быть, – пожала плечами она.

На одном из них был набит портрет Ленина. Старшее поколение интересовалось, не коммунистка ли она. Младшее – что это за неизвестный дядя, не супергерой ли? Ответы Окси неизменно различались. Она всегда придумывала что-то новое, а Ленина она набила просто так. Главное, не как у всех. Хотя и «как у всех» у нее татуировки имелись: иероглифы, кельтские узоры, даже кошечка. Ее Окси

собиралась свести.

– Злату многие из обслуживающего персонала знают, – продолжал давить на нее мент. Тьфу, полицейский. – А вы нет?

– Я диджей, а не бармен, официант или охранник. Я вижу посетителей из-за своей стойки... Точнее, не вижу. Они сливаются для меня в единую танцующую массу. Возможно, если бы я крутила музыку в какой-нибудь шашлычке и ко мне подходили бы посетители, чтобы за двести рублей заказать «Рюмку водки» или «Шальную императрицу», то да, я бы...

– Вы тут работали барменом когда-то, Оксана Игоревна, – оборвал ее мент. – Я вас помню.

Она взглянула на него. Как, бишь, зовут этого чувака? Он же представлялся... Или нет? Она не могла вспомнить, поэтому задала нейтральный вопрос:

– Вы бывали у нас?

– И не раз. И вы в баре «Голубой графин» стояли за стойкой. – В их заведении при прежнем хозяине все зоны имели названия. Сейчас уже нет.

Окси присмотрелась к полицейскому внимательнее. Бармены запоминают постоянных клиентов, и если он когда-то был завсегдатаем клуба, то она уловит что-то знакомое в его внешности.

Итак, что мы имеем?

Заурядное, пусть и довольно симпатичное лицо. Небрежная прическа. Среднее телосложение. Абсолютно не за что зацепиться. И тут взгляд Окси скользнул на руки. Красивые, отметила она. Пальцы ровные, сильные, с аккуратными ногтями. Окси завораживали красивые мужские руки, и эти она помнила. А так же часы – хорошие, швейцарские. На правой руке, потому что мужчина был левшой.

– Ваша фамилия Абрамов, – тут же вспомнила полицейского Окси. – Вы крышевали наш клуб.

– Что за лексикон, Оксана Игоревна, – цокнул языком тот. – Вы слишком молоды, чтобы знать такие устаревшие слова. Я однажды помог вашему бывшему хозяину решить одну проблему, и он был рад принимать меня у себя в гостях.

– Хорошо, как скажете. – Она чувствовала запах алкоголя, исходивший от Абрамова. – А вы опять к нам стали захаживать? Давно вас не было видно.

– Сегодня бес попутал. – Тот зевнул, забыв прикрыть рот рукой. – Так что, не знали вы покойную?

– Я же сказала, что нет.

– Тогда откуда она вас?.. – И он остро посмотрел на Окси, хотя глаза его были до этого момента мутными, сонно-пьяными. Точнее, казались таковыми.

– Она? Меня? Знала?

– Да. Охранник говорит, что Злата два раза подходила к стойке, но он ее отгонял. Тогда она сказала, что вы давние приятельницы и она просто хочет поздороваться.

– И что он?

– Велел ждать перерыва. Вы же делаете их?

– Конечно. Я же не в памперсах сижу. Мне нужно в туалет ходить.

– Напомню, что именно там нашли покойную.

– Персонал пользуется служебным. А вы мне еще раз покажите фото этой Златы, пожалуйста.

Абрамов достал телефон, дорогой, но не последней модели. Проведя пальцем по экрану, он вывел на него фото покойной. Женщина лежала на полу туалета в луже крови. Снимков было несколько, но Абрамов показал тот, на котором лицо крупным планом.

- Нет, я точно ее не знаю, – уверенно проговорила Окси.

- Злата, скорее всего, прибежала к помощи пластических хирургов. Что-то колола в лицо точно. Может, изменилась?

- По посмертным фото судить трудно.

- Согласен. Поэтому, как только мы выясним личность покойной, вызовем вас в Следственный комитет.

Боль в сердце из тупой переросла в острую. Пора менять работу. Уходить из клуба и устраиваться офис-менеджером. Сидеть себе за компом, являться домой в шесть вечера, заваливаться спать в десять. Скучно? Безусловно. Зато спокойно.

- Теперь я могу идти? – спросила Окси. У нее в сумке был валидол, и она собиралась сунуть его под язык.

Абрамов разрешил, молча указав на дверь.

Окси вышла в коридор. Там было уже гораздо меньше народу. Очевидно, многих уже отпустили.

Дойдя до раздевалки, Оксана схватила сумку и стала в ней рыться. За этим делом ее застала официантка Жукова Жанна, носящая прозвище Жужа.

- Что ищем? – спросила она, плюхнувшись в кресло и достав электронную сигарету. Вообще-то в клубе нельзя было курить и их, но в ночь, когда произошло убийство, до этого никому нет дела.

- Таблетки.

- Ты разве употребляешь? – вскинула тщательно прорисованные брови Жанна.

- Дрянь – нет. А валидол да. – Окси нашла его наконец и выдавила одну на ладонь.

- Бабуля, - хмыкнула Жанна. - На пенсию пора.

- Уже о ней подумываю.

- Увольняться хочешь? - правильно поняла ее Жукова.

- Пора.

- И мне.

- Да ты тут работаешь всего три месяца.

- Четыре с половиной. Но уже начались проблемы с давлением, а мне, между прочим, только двадцать три.

- Ты же в администрации работала. Зачем ушла?

- Мне там платили двадцатку. А тут одних чаевых столько! Я ж красивая...

Да, не поспоришь. Жанна была настоящей куколкой. Правда, один раз Окси увидела ее без макияжа и не сразу узнала, но на работу Жужа всегда красилась.

Девушки помолчали. Окси посасывала таблетку, Жанна курила.

- Жалко тетку, да? - первой заговорила та. - Такая веселая была, энергичная.

- Я ее не знала.

- Разве? А она сказала мне сегодня, что вы...

- Приятельницы? - перебила ее Окси. - Она и Пашке-охраннику это же ляпнула. Не знаю зачем.

- Признаться, я удивилась, когда услышала. Она же тебя гораздо старше, что у вас может быть общего?

- Тетка меня с кем-то перепутала.

- Тебя? С кем-то? - Жужа расхохоталась. - Ты лысая, татуированная девица с кольцом в носу.

- Сейчас много таких. А ты с ней часто общалась?

- Нет, раз всего. Сегодня. Она за столик не садилась никогда, всегда у стойки. Или на галерее тусила, мужичков высматривала. Ходила к нам их поднимать.

- Seriously?

- Я поэтому ее и заметила. Не так часто встретишь зрелую даму, откровенно подкатывающую к мужикам.

- Разве? А по-моему, они как раз сами всегда и подкатывают.

- Если компанией пришли. Нарезутся и давай официантов за задницы щупать. А покойная всегда была одна, выпивала в меру. Высматривала «жертву» и подходила знакомиться. Любила мужчин помоложе, но не малолеток. На красоту не велась. То есть тетенька адекватно оценивала свои возможности. И все равно ей отказывали. Тот же следователь Абрамов. Я видела, как Злата к нему подкатывала. Естественно, я тогда еще не знала, что он мент...

Жужа докурила, встала, чтобы открыть форточку для проветривания, и тут воскликнула:

- Слушай, а что, если она в мужиках разочаровалась и решила по девочкам пойти, вот к тебе и рвалась?

- Сколько раз тебе повторять, не лесба я, - сердито буркнула Окси.

- Но похожа.

- А ты похожа на эскортницу.

– Знаю, – спокойно отреагировала на это замечание Жужа. – Поэтому не удивляюсь тому, что ко мне вечно подкатывают папики.

Да, Жанне они проходу не давали. Она же мило им улыбалась, брала чаевые и уезжала домой к своему любимому мужу, работающему простым технологом на кондитерской фабрике.

В следующую секунду приоткрылась дверь, и кто-то крикнул в щель:

– Всех отпустили, можно домой ехать!

– Ты на чем? – спросила у Окси Жужа.

– На такси придется, транспорт еще не ходит, – ответила та. Обычно Оксана на первой маршрутке уезжала. Она не упускала возможности сэкономить. Да, в машине комфортнее, но можно полчаса потерпеть, зато истратить не триста рублей, а тридцать.

– А за мной Ленчик приедет.

– Машину купили?

– Подержанную. Решили, что в пятницу и субботу Ленчик будет по ночам таксовать, потом меня со смены забирать. И ему за меня спокойнее, и лишняя денежка.

– А кто-то увольняться собирался, – со смешком напомнила Окси. Пока они болтали, она переобулась и накинула куртку.

– Поработаю пока. На Новый год, говорят, тут деньги чуть ли не с небес сыплются... Как в песне.

– Да. По праздникам и зарплата больше, и чаевые. – Окси взяла сумку и достала телефон, чтобы вызвать такси. – Ладненько, почапала я. Всего хорошего. Мужу привет.

Они распрощались, и Окси покинула «Хрусталь».

У дверей толпился персонал, все обсуждали происшествие. Полиция уже уехала, и «труповозка» тоже. Окси не хотела ни с кем говорить, поэтому, помахав всем, отошла за угол. Она и машину вызвала на другой адрес. А пока ждала ее, думала о Злате...

Своей НЕПРИЯТЕЛЬНОЙ.

Окси задрала голову. Из-за тучек выглядывала луна. Ярко горела Полярная звезда. Когда человек умирает, то, как считается, попадает на небеса...

Возможно. Но только не Злата. Ей место в аду.

Глава 3

Матвей опивался чаем. Выдул за час три большие кружки, в животе булькало, но хотелось еще...

– Ты как лось из анекдота, – со смехом проговорил коллега, опер Васек Голованов.

– Какого еще?..

– Лось с бодуна подходит к ручью, пьет. Тут охотник. Бабах ему в задницу из ружья. Тот дальше пьет. Мужик решил, что промазал, опять пальнул. Лось поднимает морду и говорит в пустоту: «Странно, пью, пью, а легче не становится...»

– Башка, от твоих шуток тоже, – проворчал Матвей.

Голованова они называли Башкой – не только из-за фамилии. Точнее, сначала из-за нее, но Голованов оказался таким башковитым, что все диву давались. Правда, работе это не очень помогало. Зато кроссворды Васек разгадывал за минуты, кубик Рубика собирал за секунды, знал ответы на все вопросы интеллектуальных викторин. В отличие от Шерлока Холмса, Васек держал в

своей умной башке не только нужную информацию. Не умел «чистить» память. Или не хотел.

– Выпей водки, не мучайся, – дал совет Васек. – Нам еще работать и работать.

– А есть? – востроился Матвей.

– Найдём.

– Нет, не надо. Вонять будет.

– От тебя и так перегаром разит. Жди, сейчас принесу. А сам пока вот на это посмотри. – Он положил на стол блокнотик в кожаном переплете. – В кармане пиджака жертвы нашли.

Абрамов, натянув перчатки, раскрыл его, стал пролистывать. Кто сейчас носит с собой блокноты? В каждом телефоне есть записная книжка. Даже если Злата стихи, к примеру, сочиняла или фиксировала свои умные мысли по старой привычке на бумаге, то зачем его в клуб брать? Не выложила блокнот, забыла?

Матвей мог бы дальше размышлять об этом, если бы не обнаружил, что все листы чисты: ни стихов, ни умных мыслей. Пустой блокнот. Абрамов потянулся к сумочке покойной – она уже была осмотрена, но ее содержимое еще не описано. В ней он поискал ручку. Ее не оказалось. А вот карандаш имелся – для глаз. И он затупился. Матвей поднес блокнот к настольной лампе и увидел, что один лист вырван, а на предыдущей странице небольшой мазок. Темно-серый. Такого цвета был карандаш. Выходит, Злата что-то записала на листе, вырвала его и кому-то отдала.

Абрамов низко склонился над страницей, следующей за вырванным листом. На нем остались вмятины, но неглубокие. Если бы надпись делалась ручкой, а не мягким косметическим карандашом, разобрать было бы легче. И все же Матвею удалось прочесть ее: «Позвони мне». Ниже номер телефона...

Ее номер! Телефон покойной не был запаролен, и Матвей позвонил с него себе.

Вот тайна и раскрыта. Злата записала номер, чтобы дать его какому-нибудь мужчине. Возможно, и Абрамову. Все просто...

Тем временем вернулся Башка с початой бутылкой водки. Ледяной, запотевшей. Где он такую раздобыл, Матвей не спросил и не стал гадать.

Васек налил ему водки. Сам пить отказался, хотя мог бы составить компанию и чисто символически пригубить. Опрокинув в себя половину стакана, Матвей закусил пряником, после чего поведал коллеге историю с блокнотом.

- Надо мне тоже по клубам начать ходить, - выдал Васек, выслушав его.

- Странно слышать это заявление после того, как в одном из них мочканули женщину.

- На прошлой неделе мужика в супермаркете банкой краски по голове долбанули, и он умер, так мне что ж, теперь в магазины не ходить? - Башка тоже взял пряник и стал его с аппетитом уплетать, запивая остывшим чаем. - Я в «Хрустале» сегодня первый раз побывал. Шикарное место. А если там еще и дамочки сами подкатывают, так считай - райское. Эта Злата, правда, к тебе клеилась?

- Ага.

- Тогда у меня шансов еще больше.

- С чего бы? - хохотнул Матвей, на которого водка наконец подействовала.

- Я моложе тебя и обаятельнее.

Тут не поспоришь. Башке только двадцать восемь исполнилось, и обаяния ему было не занимать. Но оно было довольно своеобразным - действовало исключительно на бабушек. Они умилялись, глядя на его конопатые щечки, нос картошкой, улыбку от уха до уха и кучерявые волосы, называли «внучком». А с молодыми женщинами у Васька не ладилось. Они хотели с ним только дружить. Пару раз он смог выйти из «френд-зоны», но ненадолго. Утешившись с уютным Васей, барышни бросались на поиски новых козлов, сволочей и чудаков на букву

«М».

Зазвонил внутренний телефон. Трубку взял Васек, а Матвей налил себе еще немного. В бутылке оставалась треть, но он решил, что хватит.

Когда он выпил, то услышал от Голованова следующее:

- Личность жертвы установлена. Включи комп, тебе скинули всю инфу.

Матвей открыл присланный файл, Васек склонился к его плечу, и они стали читать.

- Злата Эрнестовна Ортман, как красиво, - восхитился Башка.

- Разве? Цыганское имя и еврейская фамилия.

- Немецкая, - проявил свою башковитость Вася. - А имя Злата как раз имеет еврейские корни. Но оно было распространено в Литве, Польше...

- Вот нам сейчас это на фига? - рявкнул Абрамов. - Мы не на «Своей игре». Дальше смотрим. Год рождения... Хм... Надо же, как хорошо сохранилась. Я дал ей максимум сорок пять, а она уже шестой десяток разменяла.

- Судимостей нет, долгов тоже - все налоги уплачены. Просто образцово-показательная гражданка.

- Ни мужа, ни детей, ни братьев-сестер. Родители умерли. Одинокая. Не нравятся мне такие жертвы. Обычно это шкатулочки с двойным дном.

- Я бы даже сказал, китайская, с секретом. Там надо знать, какие части сдвинуть, чтобы ее открыть.

- Ты опять?

- Все, молчу. - Васек закрыл рот на воображаемую молнию.

Матвей отстранился от компьютера и набрал второго своего коллегу, Лаврика. Ему он передал телефон жертвы сразу после того, как определил номер, и все это время парень его изучал.

- Как дела? - спросил Абрамов.

- Просматриваю соцсети. Злата есть на всех сайтах знакомств и на «Фейсбуке».

- Ты позвонил кому-нибудь, чтобы сообщить о ее смерти? - рассердился Абрамов. Лаврик не так давно устроился, и с ним пока было сложно.

- Да.

- Кому?

- Лучшей подруге.

- Она так и была записана?

- Нет. Но с ней - Еленой Алешиной - покойная общалась чаще, чем с остальными. Я разбудил женщину, сообщил дурную новость и велел завтра явиться к тебе на допрос.

- Хорошо. А теперь посмотри список входящих звонков. От кого поступил последний?

- Пять сек... - повисла недолгая пауза. - От тебя.

- А до этого?

- Марина-работа. И было это в одиннадцать вечера. Следующий звонок уже твой.

- Смс жертва тоже перед смертью не получала?

- Неа.

– А в соцсетях?

– Блин, товарищ майор, вы слишком много от меня хотите, – запыхтел Лаврик. Он обращался к Абрамову то на «ты», то на «вы». – Я же только начал работать с телефоном...

– Ускорься, – строго проговорил Матвей, положил трубку и перевел взгляд на Васька.

– Пришла моя очередь получать люлей?

– Живи пока, – милостиво изрек Абрамов. – Ты мне холодной водочки притащил, чем вызвал расположение старшего по званию.

– Но хочу заметить, что я не только как халдей хорош. Пока ты тут лечил свое похмелье, я наводил справки о девушке, что нашла труп. Подозрения с нее можно снять. Пришла с компанией таких же студентов, как она сама. В туалет, по рассказу подруг, зашла за минуту до того, как начала кричать. Убить не успела бы. Да и не справилась бы она с Ортман. У них разные весовые категории.

– Это не доказательство невиновности.

– Согласен. Но девушка левша, как и ты. А удар был нанесен справа.

– Отверткой, что валялась на полу?

– Экспертиза еще не проведена, но на первый взгляд – да. И, кстати, она заточена. Так что оружие преступления было подготовлено заранее.

– Но пока это только предположение?

– Естественно. – Башка посмотрел на Абрамова с пристрастием, затем озвучил свой вывод: – Ты хочешь спать и плохо соображаешь.

– Да, меня разморило.

– Тогда ляг и подремли.

– Да, надо отдохнуть, – пробормотал Матвей и перетек на диван. – А ты пока займись...

Чем следовало заняться Голованову, он так и не узнал. Товарищ майор мгновенно уснул, и Васек вышел из кабинета, плотно закрыв за собой дверь.

Глава 4

Квартира, в которой жила Окси, находилась на последнем, четвертом этаже старого дома, построенного пленными немцами в конце сороковых. Выглядел он потрепанно из-за облезшей штукатурки, но был крепок и хорошо спроектирован: просторные комнаты, высокие потолки, полукруглые окна. Последние жильцам не нравились – если их менять, то по спецзаказу и втридорога. Но они отлично служили вот уже семьдесят лет. Немного пропускали ветер, но если на зиму заклеить, то в доме теплынь.

Поднявшись на четвертый этаж и отперев дверь, Окси зашла в прихожую и втянула носом воздух. Квартира, как все, имела свой запах, и он ей нравился, напоминал мучной. Возможно, обои тут клеили на клейстер, поэтому он и появился. Ремонта квартира не видела пусть не семьдесят лет, но сорок точно. Будь она Оксаниной, та привела бы ее в относительный порядок. Хотя бы покрасила окна, дощатый пол, двери. Те же обои сменила. Но хозяин квартиры ничего не хотел менять. Ему она нравилась в таком виде, в каком досталась от деда.

– Оксана, ты? – донеслось из комнаты, именуемой залом.

– Кто ж еще? – ответила она.

– А что так рано?

– Сейчас расскажу.

Она разулась и сунула ноги в тапки. В них не было необходимости – пол теплый и чистый (она об этом заботилась), но это так уютно и мило ходить в домашней обуви.

– Принеси, пожалуйста, попить, – снова донесся чуть хриловатый голос.

Окси зашла на кухню, сполоснула руки, налила воды из графина и проследовала в зал.

Это было самое большое помещение в квартире, где-то двадцать два квадрата. Но свободного пространства в нем кот наплакал. Разнокалиберная мебель громоздилась у стен, а у окна стоял широкий диван, на котором лежал мужчина.

Его звали Костей, и с Окси они дружили с детства.

Познакомились, когда ей исполнилось шесть, а ему уже перевалило за восемь. Она сидела за широким креслом, играла. На день рождения ей подарили пупса в кружевном конвертике и пластмассовой коляске. У него двигались ручки и ножки, голова вертелась и глазки закрывались. Шик, а не игрушка. Ни у кого больше такой не было. Поэтому Оксана и спряталась ото всех, чтобы насладиться подарком, пока его не отняли. В детском доме либо все общее, либо принадлежит тем, кто сильнее.

Наедине с пупсом девочка смогла провести не больше двадцати минут. Ее нашла восьмилетняя Катя и отобрала игрушку.

– Зачем она тебе? – расплакалась Оксана. – Ты уже большая!

– А вот зачем, – ответила та, оторвав пупсу голову.

– Я все Надежде Ивановне расскажу!

– Только попробуй! И я тебе тоже башку откручу.

Обливаясь слезами, Оксана выбралась из-за кресла и побрела в спальню. По дороге встретила Костю. Он был новеньким. От мальчика отказались приемные родители, и он только начал обживаться в их детском доме.

- Чего ревешь? - спросил он.

Оксана показала растерзанного пупса.

- Было бы из-за чего, - фыркнул Костя. - Давай почию.

Вечером он вернул ей игрушку. Костя примотал голову к туловищу клейкой лентой и велел спрятать пупса. Она так и сделала.

...Тогда у Оксаны появился первый и единственный друг.

Костю, как любого новенького, принимали в штыки. Оксана сама с этим столкнулась. До четырех лет она находилась в специнтернате. Но когда она начала ходить, ее перевели в обычный, чтоб не занимала чужое место. И ей пришлось ох как не сладко. Равно как и Косте. Будь он сильным, отстоял бы кулаками свои права. Но мальчик не умел драться.

Его, полуторагодовалого, усыновила приличная пара: дирижер и балерина. Женщина сама рожать не хотела, чтобы не портить фигуру, а ребенка требовал муж. И они взяли готового. Костя был худ, длинноног, белокож, златокудр. Из такого мог вырасти замечательный артист балета.

Матушка с воодушевлением взялась за обучение Кости. Гимнастика, растяжка, ритмика с первых дней нахождения в новой семье. В два с половиной несложные балетные партии. Она готова была поставить Костю на пуанты в три, но строжайше запретил ортопед. У мальчика был талант, но невыдающийся. Пластичный и музыкальный, он неплохо танцевал, но не более. Лучше, чем многие, но хуже, чем исключительные. Матушку это раздражало, но она успокаивала себя тем, что и сама в детстве была не самой одаренной. Однако огромное желание танцевать и упорство в достижении цели помогло ей стать примой городского театра оперы и балета. Жаль, у Кости не было ни того, ни другого. Ему хотелось играть с машинками, смотреть мультики, просто носиться по дому, а не заниматься у станка. Балет его не увлекал. Он занимался им, потому что заставляли. Из-под палки. Но не капризничал, не желая расстраивать маму.

Возможно, она вырастила бы из него гениального танцовщика, если бы не семейная драма... От стареющей примы муж ушел к юной, девятнадцатилетней (позже он бросил ее ради более «свежей») балерине. Костина мать рвала и метала. Она пошла на усыновление ради него, а этот старый кобель взял и бросил их... Ей всего тридцать пять, а ему под пятьдесят, и все туда же...

А тут новая напасть. У Кости начались проблемы со ступнями. Ортопед, наблюдавший его, предупредил, что если ребенок и дальше будет заниматься, то это приведет к плачевным последствиям.

– Но мы мечтаем танцевать! – вскричала женщина. Она всегда употребляла местоимение «мы», когда речь заходила о ней и Косте.

– Кто ж вам запрещает? Отдайте сына в эстрадные танцы, к примеру. Они ему даже на пользу пойдут.

– Вы бы еще народные предложили!

– А чем они плохи?

– Ах, что бы вы понимали...

И выгнала врача.

А вскоре и Костю.

Вернула, как бракованную вещь.

А в детском доме тонкому мальчику с вывернутыми ступнями и плавной походкой было не то что непросто – невыносимо. Гораздо хуже, чем Оксане. Она не просто так на физкультуру ходила. Там она занималась: подтягивалась, по канату лазила, метала мячи и гранаты. Уже во втором классе она научилась давать сдачи обидчикам. А когда увлеклась стрельбой из лука, то взяла под свою защиту и друга.

...Тем более именно он помог Оксане открыть в себе новый талант.

Она всегда была меткой. Глаз – алмаз. Что мячом попадала точно в цель, что сжеванными бумажными шариками, выпущенными из трубочки. Но в баскетбол Окси путь был заказан, а умение плевать еще никому в жизни не помогло. Зато стрельба из лука – олимпийская дисциплина, и, занимаясь ею, можно стать чемпионом.

Их детский дом находился рядом с крупнейшим городским парком. Воспитанников туда по праздникам водили. Обычно на Масленицу. Вроде и мероприятие (для отчетности это важно), и затраты минимальные: зрелища бесплатные, а хлеб – блины – недорогие, купил каждому по штуке, и детям приятно. Но главной радостью для детей было катание на санях. Однако не все могли попасть на запряженную лошадкой повозку. Прорывались, как обычно, самые сильные и наглые. Окси и Косте оставалось только мечтать о покатушках. Когда их в очередной раз оттеснили, ребята пошли посмотреть на то, как дядя в костюме Робин Гуда стреляет по мишеням и всегда попадает в «яблочко».

То было не представление. Атракцион. Любой желающий мог, заплатив энную сумму, посоперничать с лучником. Победившему приз – огромный розовый слон.

– Какой красивый, – восхитилась им Оксана.

– Так поборись за него, – сказал Костя.

– Смеешься?

– Нет, я серьезно. Ты очень меткая. Уверен, попадаешь в цель.

– Я никогда не стреляла из лука. Да и денег у меня нет...

– Зато у меня есть, – и достал из кармана кучу мелочи.

– Откуда это? – Многие детдомовцы воровали, кто-то играл на деньги, другие попрошайничали, но Костя ничем подобным не занимался.

– Наш плотник, Михалыч, мне иногда подкидывает копеечку за то, что я ему помогаю.

То были на самом деле копеечки. Михалыч сам зарабатывал крохи, еще и пил (а кто еще пойдет за гроши работать?), поэтому много дать рукастому мальчишке не мог. И все же он благодарил мальчика. А Костя копил монетки, прятал их, чтобы потратить с пользой.

И вот момент настал!

«Робин Гуд» взял деньги, показал Окси, как нужно стрелять, и сообщил, что даже если она хотя бы один раз из пяти попадет в цель, то выиграет... Нет, не главный приз, но чупа-чупс.

– Я хочу розового слона, – заявила она.

– Тогда поборемся за него! – вскричал «Робин», желая привлечь побольше внимания. – Но учти, девочка, еще никому не удавалось победить меня...

Не удалось и Окси. Она смогла попасть в «яблочко» только с третьего раза. И выиграла всего лишь конфету на палочке. Однако «Робин» догнал ее.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Оксана.

– Меня Павел Васильевич. Или дядя Паша. В прошлом чемпион СССР по стрельбе из лука, а сейчас тренер. Ты, Оксана, не хотела бы попробовать себя в этом виде спорта?

– Неее, – протянула она, содрав с конфеты обертку.

– Зря. У тебя отличные данные.

– Я даже слона выиграть не смогла.

– Дядя Паша – бывший чемпион. Меня трудно победить. Но ты смогла бы после даже пары занятий. Приходи ко мне в секцию, возьму уже сейчас, а не в сентябре, как остальных.

Окси было приятно это слышать. Ее выделили, и это не может не радовать. Но какая секция? На нее нужно ходить два-три раза в неделю, а их без сопровождения за территорию не выпускают.

– Она не сможет, – ответил за нее Костя. – Детдомовские мы и занимаемся только в своих секциях.

– Так вы из «вариков»?

Их интернат располагался на улице Варварская. С ударением на втором слоге. Стояла когда-то на ней церковь, построенная в честь великомученицы Варвары. Но сгорела она в конце девятнадцатого века, а на ее месте казармы возвели. В них после революции преступников заключали, не опасных, а шелупонь всякую, обычно ворье. Но когда товарищ Сталин начал всерьез бороться с расхитителями народной собственности, и за кражу мешка картошки можно было отъехать на каторгу лет эдак на десять, казармы отдали беспризорным детям. И вот уже какое поколение сирот обитает там, где когда-то стояла церковь, потом содержались заключенные, а впоследствии бездомные малолетки...

Варики.

Нечистые на руку взрослые и дети (те еще хулиганы были) с улицы Варварской.

– Мужчина, что вам нужно от моих ребят? – это Надежда Ивановна, воспитательница и покровительница Оксаны, подлетела.

– Да вот хочу из девочки олимпийскую чемпионку сделать.

Она скептически глянула на дядю Пашу в костюме Робин Гуда и язвительно спросила, не в Шервудском ли лесу будут проходить соревнования. Тот не обиделся. Сообщил, что на массовых гуляньях подрабатывает лучником, а вообще он чемпион СССР.

Окси не знала точно, но догадывалась о том, что между Надеждой Ивановной и дядей Пашей что-то было. И искра вспыхнула именно тогда, на Масленице. Иначе почему воспитательница взяла шефство над Оксаной и стала водить ее на

секцию.

Но «Робин Гуд» был женат, и серьезных отношений не вышло. Благо Окси за год достигла таких успехов, что ее уже и одну отпускали на секцию (ее призовые кубки выставлялись на всеобщее обозрение директрисой детского дома), и на выездные соревнования под подписку тренера. Только лук при себе иметь не разрешали. Но и это не оказалось проблемой. Костя своими умелыми ручками сварганил ей отличное тренировочное оружие. А стрелы Окси втихаря пронесла. И при любой свободной минутке оттачивала свое мастерство. Жаль, не вырастил дядя Паша из нее чемпионку. Но не его в этом вина. Здоровье Окси подвело. Другой бы человек на ее месте расстроился. Но девушке больше нравилось петь. Уже тогда. А призовые кубки помогли завоевать расположение директора, что пригодилось в будущем: Оксана чуть ли не единственная могла покидать территорию интерната без присмотра. Благодаря этому она начала выступать на пешеходной улице. А еще умение метко стрелять позволило ей заступиться за друга...

Как-то Костю отделал верзила по кличке Конг. Он был злобным и тупым, как гигантская обезьяна из фильма. Только любить, в отличие от нее, не умел. Его все побаивались, даже ребята постарше. Поэтому никто за Костю не вступился, хотя могли бы. Бить тех, кто значительно тебя слабее, – запахло. Это правило не работало, когда все были малышами, но у подростков уже появились свои понятия. Однако с Конго никто не связывался. Пришлось это сделать Окси.

Когда он пошел курить за сараи, она последовала за ним. Остановилась в трех метрах, достала свой лук и выпустила стрелу. Она целилась не в Конга, а в забор, лицом к которому он стоял. Наконечник вонзился в дерево, но сначала царапнул ухо пацана. Он взревел, схватился за него и обернулся. Ноздри раздулись, глаза налились кровью. Конг готов был кинуться на нее, но Оксана выпустила еще одну стрелу. Она вошла в землю у его ног.

– Следующая воткнется в твое тело, – предупредила девочка. – Я попаду в сухожилие, оно разорвется, и ты останешься хромым.

– Кишка тонка.

– А ты проверь. – И она достала из колчана третью стрелу. – Еще хочу предупредить, что я метко стреляю не только с трехметрового расстояния и не

из одного лишь лука. Могу метнуть в тебя нож через окно, пока ты спишь.

- Тебе чего надо от меня?

- Не трогай Костю. А лучше вообще никого. А то я всем расскажу, как ты обоссался.

- Я не...

- Твое слово против моего.

Оксана понимала, что рискует. Конг мог отомстить ей за унижение. И она жила в огромном напряжении первое время. Но гроза детского дома то ли испугался девочки с луком, то ли ее зауважал. Костю он больше не бил. Да и другим от него уже меньше доставалось.

...Костя после девятого класса поступил в училище, где обучался профессии деревообработчика. Почему именно ей, он сам не знал. Просто выбрал наугад. Учился он так себе, особыми талантами не блистал, но руки у него из нужного места росли. Друг решил, что после училища сможет найти неплохую работу на мебельной фабрике.

Много позже оказалось, что его прадед был знаменитым краснодеревщиком. Все городские купцы-миллионщики заказывали у него мебель, скульптуры, рамы для семейных портретов. Его сын тоже стал резчиком, но работал с менее благородными породами деревьев. У него родилась дочь, поздняя, поэтому балованная. Души в ней родители не чаяли и упустили девку. Они ее за рукоделие сажают (и это в восьмидесятые годы двадцатого века), за книжки, а ей на дискотеку бы сбежать, а лучше в ресторан, где мужички денежные шампанским угощают да икрой. Врать научилась, изворачиваться. С семнадцати лет родителей за нос водила. А в двадцать один сообщила, что выходит замуж.

- За кого? Ты же ни с кем не встречаешься! - поразился отец.

- Почему же? У меня есть жених, - парировала дочь.

- И ты его от нас скрывала?

– Боялась, что он вам не понравится.

– Он бандит? – чуть не упала в обморок мать. – Рэкетир?

– Бизнесмен.

– Хрен редьки не слаще, – вздохнул отец. Но велел привести жениха для знакомства.

Естественно, он им не понравился. Хотя Хасан очень старался: всем подарки принес, стол накрыл. Но родители ни в какую не соглашались отдавать единственное чадо, свой нежный цветочек за пузатого сорокапятiletнего азербайджанца.

– У него на родине наверняка уже есть жена, – пыталась вразумить дочку родительница. – И дети. А то и внуки!

Как будто та не знала об этом! И жена, и дети, и внук – все есть. Но какое ей до них дело? Они в Азербайджане, а она тут его супругой будет. Да, неофициальной, но любимой и балованной. Хасан ей уже столько золота подарил, что все подружки обзавидовались. Но его приходилось от родителей прятать – снимать перед возвращением домой и под матрас засовывать. Уже потом «невеста» поняла, что сглупила. Нужно было привести в дом какого-нибудь молодого русского заучку-нищоброта, быть может, и свадьбу фиктивную с ним сыграть, а с Хасаном жить, горя не зная. Но у девушки не то чтобы мозгов не хватило – скорее терпения. Надоело под дудку стариков плясать. Ей уже двадцать один, совершеннолетняя. Что хочет, то и делает. А они как будто только затем родили ребенка после сорока, чтобы он обеспечил каждого из них стаканом воды.

И сбежала доченька из дома, оставив только записку, в которой все по пунктам расписала. Больше родители ее не видели.

Как складывалась дальнейшая жизнь «цветочка», неизвестно. А как оборвалась, отец узнал. Супруга его к тому времени скончалась. Сам он был уже очень стар и одинок. Как-то вечером в его дверь постучали. Он открыл ее и увидел на пороге нарядную женщину с ярким макияжем и усталыми глазами. Старик сразу понял: шлюха. Та спросила:

- Вы отец Розы? - они и назвали доченьку в честь прекрасного цветка. Когда тот кивнул, женщина сообщила: - Она погибла.

- Как?

- «КамАЗ» сбил... На трассе М7.

- Когда похороны? - Он подумал, что подружка и коллега дочери явилась за тем, чтобы он взял их на себя.

- Уже состоялись. Хотите знать, где ее могила?

- Пожалуй, нет.

- Роза написала вам письмо незадолго до смерти. Хотела отправить, но не успела. Я решила лично его вам передать, - и протянула старику конверт.

После этого она удалилась. А дед, вернувшись в квартиру, достал письмо и прочел...

В нем было мало текста. Значительно меньше, чем в том, прощальном. И никаких эмоций. Только сообщение о том, что Роза восемнадцать лет назад родила сына (была указана точная дата рождения), назвала Константином в честь своего отца и отказалась от него еще в роддоме (его номер так же имелся).

Старик долго искал Костика, и все же ему удалось на него выйти. Самое парадоксальное - детский дом, в котором тот воспитывался, находился на соседней улице. Дед, прогуливаясь, постоянно проходил мимо и, возможно, видел среди играющих детей своего внука.

Два Константина познакомились, когда молодой уже окончил училище. В армию его из-за проблем со стопами не взяли, а то не застал бы мальчик деда: тот умер через три месяца после того, как тезки воссоединились.

Квартиру после его кончины унаследовал Костя. А теперь в ней жила еще и Окси.

- Так почему ты так рано? - спросил друг, когда она подошла к его дивану со стаканом воды.

- В клубе произошло убийство.

- Пьяная драка с летальным исходом?

Окси воздержалась от ответа. Она даст его чуть позже.

- Ты не голоден?

- Нет, ты же меня кормила ужином перед уходом. Макаронами с яйцом, моими любимыми.

- А я бы слона сожрала.

- Боюсь, в холодильнике только пельмени, - улыбнулся Костя.

- И они сойдут. Пойду сварю.

- Составить тебе компанию?

- Не хочешь спать?

- Хочу, но не могу, ты же знаешь...

И Костя сел на кровати. Одеяло, которым он укрывался, соскользнуло, обнажив его тело. Такое же худое и бледное, как раньше... Только без рук. Одна была ампутирована выше локтя, а вторая... От нее не осталось ничего. Плечо, а потом пустота.

Друг встал. Неровно, потому что раздробленная в нескольких местах левая нога не сгибалась. И все же на нее можно было опираться. Более того, худо-бедно Костя ходил. По ровной поверхности вообще передвигался нормально, а вот ступеньки ему плохо давались, поэтому он редко покидал квартиру. Из-за этого они переставили его диван к окну, чтобы Костя смотрел на улицу и, открыв окно,

дышал воздухом...

Теперь в их дружеской паре Оксана была мобильной, быстрой, грациозной. И это она-то, со своей врожденной травмой.

В подобном состоянии Костя пребывал последние полтора года. До этого – в значительно худшем.

...Он пережил смерть деда. С трудом, но все же. Печально терять родного человека, особенно когда ты только его обрел. Кто-то поспорил бы с этим: хуже, когда уходит тот, кто был тебе дорог двадцать, тридцать, сорок лет. Но у Кости имелась своя теория на этот счет. Он считал: если бы он прожил с дедом всю жизнь, у него осталось бы о нем так много воспоминаний, что, если каждое вклеить в воображаемый альбом, он получится таким толстым, что устанешь перелистывать. Загрустил, открыл его, и вот ты уже погружаешься в мир, где ты и он и вы вместе что-то делаете.

После деда осталось много всего, кроме этих самых воспоминаний. Например, мебель – ее было огромное количество. И собственного изготовления, и та, что Константин-старший чинил или только собирался. В последние годы старик таскал мебель со свалок: хорошую, советскую, из дерева, а не опилок, но поломанную. Он планировал заняться ее восстановлением, да вот только сил не хватало. Внук готов был применить свои руки, что из нужного места росли, и сделать это за него, но...

Сначала он потерял деда, а вскоре руки.

Тот день не предвещал беды. Костя со своей девушкой поехал кататься на катере по Волге. Речная прогулка с заездом на пляж с белоснежным песком была организована фирмой, где она работала. На судне, кроме них, было еще двенадцать человек. Погода – дивная, настроение тоже. Все выпивали, но умеренно, пиво и вино. Ели бургеры с картошкой фри. На пляже играли в волейбол и бадминтон, купались. Время пролетело быстро. Никто не желал возвращаться, но пришлось. Когда стали отъезжать, все принялись кормить чаек остатками бургеров. Куски хлеба доставались самым крупным и наглым, как это обычно и бывает. А Косте хотелось накормить чахленького птенца, что упорно несся за лодкой, но не мог урвать ни кусочка. Чтобы тому достался самый лакомый, парень перегнулся через борт и резко выбросил руку. В это время

катер подкинуло на волне, Костя потерял равновесие и вывалился за борт.

Он помнил крики: чаек и людей. Они слились в единую какофонию. И то, как ушел под воду. Еще адскую боль, что разорвала его тело. Она отключила сознание.

Включилось оно через трое суток. Костя открыл глаза и не понял, почему видит не небо над Волгой, а отделанный дешевыми панелями потолок. До этого он ненадолго выныривал из небытия, но не понимал, что не сон, а реальность...

И вот он с ней столкнулся!

- Где мои руки? - сначала просипел, а затем надрывно прокричал Костя.

И повторил этот вопрос еще раз двадцать, пока не прибежал медработник и не сделал ему укол успокоительного.

Он снова уснул, но теперь погрузился не в небытие, а в кошмар. В нем он вновь и вновь открывал глаза и видел себя без верхних конечностей.

...Костю выписали через три недели. Зайдя в квартиру, он лег на диван, который тогда стоял у стены, и приготовился умирать. Медленно, но не мучительно. Ему выписали лекарства, и он пил их, а также воду, но ничего не ел. Надеялся, что старуха с косой заберет его, обессиленного, к концу лета. Он родился первого сентября и умереть собирался примерно в это же время. Девушка его бросила, когда он еще лежал в больнице. Точнее, она исчезла из его жизни. Не сразу, но все же растворилась, как дымка. С Оксаной же в тот период Костя не общался - она категорически не нравилась его пассивности. Та не понимала их дружбы, ревновала, и понятливая Окси избавила Костю от своего общества. Она знать не знала, что с ним случилось, иначе бы примчалась и сидела у его кровати все свободное время. Поэтому Костя ей тоже не звонил. Теперь он избавлял ее от своего общества.

Он пил таблетки и воду. Спал. Плакал. Смерть за ним не приходила, но кто-то постоянно стучался в дверь. Костя понимал, что это не она, и не открывал. Потом оказалось, из соцзащиты являлись, хотели помочь, хотя он не писал никаких заявлений и не вставал на учет. Кто-то из добрых докторов или соседей подсуетился.

Костя не открывал, но его не оставляли в покое. Инспектор вызвал участкового, тот вскрыл дверь. Хозяина квартиры нашли живым, но истощенным и плохо соображающим. Вызвали «Скорую», его увезли в больницу, поставили капельницу и начали насильно кормить.

Домой он вернулся через пять дней. За это время окреп физически, но желания жить так и не обрел, поэтому решил убить себя быстро. Таблетками травануться – не вариант: он пробовал, его вытошнило. Повеситься? Вены вскрыть? Рук нет. Захлебнуться в ванне (культей он мог поворачивать кран, а ногой затыкать слив) – но смерть под водой после падения с катера казалась ему страшной. И тогда Костя выбросился из окна. Смог протиснуться в вертикальную форточку, что на лето не закрывалась, и сиганул вниз.

В то же самое время Оксана Панина шла из детского дома, в котором выросла, с какой-то очередной справкой, и путь ее лежал через двор Кости. Она решила срезать, чтобы попасть на остановку. Подняла глаза на знакомые окна, и тут из одного из них вывалилось тело.

Когда оно с каким-то противоестественным хрустом упало на асфальт, Окси закричала. Видеть, как человек падает с высоты – страшно. Если ты узнаешь в нем своего лучшего друга – вдвойне. А когда видишь, что у него еще и рук нет, хотя, когда вы последний раз виделись, а это было всего несколько месяцев назад... втройне? Или нет предела ужасу?

Она подбежала к Косте, как и люди, что находились во дворе. Кто-то пытался его поднять, другие орал: «Не трогайте!» Все достали сотовые, чтобы вызвать медиков. Только Оксана молчала и не двигалась. Она сидела на асфальте рядом с другом и тарщицалась на его искалеченный торс...

Руки! Они же были. Умелые, красивые, теплые... Оксана вспоминала пупса, которого он починил, лук, что Костя для нее изготовил... И не могла понять, куда... Куда делись руки?

«Скорая» приехала быстро. Костю увезли. Но Оксана отправилась вместе с ним. Наврала, что сестра.

Друг пробыл в коме двое суток. А когда очнулся, первым делом спросил у Окси, которая сидела у его кровати все это время: «Я что, чертов Дункан Маклауд?» В детстве они обожали сериал про бессмертного Горца... И заплакал. Оксана вместе с ним.

Тогда Костя отбил селезенку, и ее удалили. А еще повредил ногу. Никто не думал, что он выживет, поэтому с ней не возились. Загипсовали и ладно.

Из больницы Костю увозила Оксана. Она же ухаживала за ним ежедневно, забыв о своей личной жизни.

- Не бойся, я ничего с собой не сделаю, - сказал ей Костя спустя некоторое время. - Понял, что госпожа смерть не хочет меня, отвергает. Так зачем навязываться?

- Правильно. Отдай себя госпоже жизни.

- Я так и сделаю. Какой у меня выбор? - Костя дернул плечом. Хотел взять ее руку в свою, как делал всегда, но увы... - А у тебя есть, Оксанка. Не погрязай в заботе обо мне. Я справлюсь. Есть соцработники, которым не все равно, но они еще и зарплату получают.

- Я тебя не брошу.

- Не надо. Приходи, навещай. Я разве против? Но ты же всю себя отдаешь мне. А должна себе.

- Нет, я просто тебе помогаю. И за это, можно сказать, получаю деньги.

- Не понял?

- Я живу у тебя бесплатно. Экономлю на аренде.

- Тебе разве негде жить?

- Та хата, что мне выделило государство как сироте, ужасна. Я съехала оттуда и собиралась снимать жилье. Теперь надобность в этом отпала.

Она немного лукавила. Да, ей досталась гостинка, где комната двенадцать метров, кухонька, кладовка и туалет (а ванная общая), но она бы ее обустроила. Поставила бы себе душевую кабину и прекрасно зажила на семнадцати метрах. Современные квартиры-студии экономкласса немногим больше по метражу. В их доме жили не ханыги. Точнее, не только они, были и приличные люди. Но Оксана не могла бросить Костю. Без ее присмотра он не справлялся, даже когда был здоров. А уж теперь...

С тех пор они живут вместе. Соседи думают: как муж и жена, но нет. Раз в месяц Окси вызывает для друга проститутку. А сама... Сама на сексе не помешана. Отношений хочется, да. И если они возникнут, то будет и все остальное. Но идти на поводу у животных инстинктов – это деградация. Она не кошка или корова, чтобы совокупляться, повинувшись им.

– У тебя слабое либидо, – заявлял Костя, когда они обсуждали эту тему. – Поэтому ты так легко отказываешь себе в плотском.

– Ну да, я же баба, – фыркала Оксана.

– Пол неважен. Есть и мужики холодные. А женщины жаркие, как песок Сахары.

– Слюни подбери! – Он, говоря о них, явно возбуждался.

– Нет, правда, я встречал таких. Каждая точка на теле – эрогенная зона. Без секса они томятся, скучают, болеют даже. И чтобы не зачахнуть, находят партнеров.

– Просто они шлюхи, – безапелляционно заявляла Окси.

Она сама не понимала, что говорила словами того человека, который стал ее первым и единственным в своем роде. Ни с кем больше Окси не желала состариться и умереть в один день.

* * *

Когда девушка выступала на городском «Арбате», а ей тогда едва исполнилось пятнадцать, то привлекала внимание многих. С Оксаной пытались познакомиться и мальчишки, и парни, и вполне зрелые мужчины. Тогда ей тридцатилетние казались очень и очень взрослыми. В пятидесятилетних же она видела даже не отцов, дедушек. Поэтому, когда к ней подошел седой и морщинистый мужчина, желая поболтать, Окси напряглась. «Старый извращенец», – подумала она. Приятный, воспитанный, холеный. Гумберт-Гумберт из «Лолиты». Она читала это произведение по совету Наденьки Ивановны. Оно на Окси произвело отталкивающее впечатление, однако запомнилось. Особенно его главный герой.

Но Алексей Петрович (так звали «деда») никак не проявлял своей озабоченности. Ему просто было приятно общаться с талантливой девушкой. Он жил на главной пешеходной улице города, в одном из старинных домов «второй линии» – на «первой» располагались офисы и кафе. Как-то они беседовали, и началась гроза. Алексей Петрович позвал Оксану к себе, чтобы переждать непогоду и выпить чаю. Та насторожилась. Он заметил и успокоил ее фразой:

– Дома Лизонька, внучка, она очень боится грома, хотелось бы быть рядом, а если я еще и вас приведу, она будет счастлива.

И Оксана отправилась в гости. Ее возрастной приятель не обманул: он жил с одиннадцатилетней внучкой. Она была слепой и остро чувствовала музыку. На этой почве девочки и подружились.

Окси стала частой гостьей в доме Алексея Петровича. А он в свою очередь иногда приводил Лизоньку на ее выступления. Познакомились они поздней весной и спустя лето и осень пригласили Оксану вместе встретить Новый год. Она была счастлива и согласилась, хоть пришлось сжульничать, чтобы отпустили из детского дома.

Оксана думала, что они будут втроем, но на праздник приехал отец Лизоньки, Петр. Едва Оксана увидела его, то поняла – вот он, мужчина ее мечты. До этого она считала таковым солиста группы «Токио Хотель». Она, как многие ее ровесницы, грезилась о красавчике Каулитце, но ее восхищала не только его внешность, но и талант. Петр на него не походил совершенно. Это был не тонкий юноша с нежным лицом, а зрелый мужчина тридцати пяти лет, крепкий, волосатый. Темно-русые волосы покрывали не только голову и лицо (он носил бороду), но и тело – Оксана видела их в вырезе футболки. Раньше Окси казались

отвратительными мужчины с растительностью на груди, ее даже подташнивало, когда она видела таких на пляже. Но Петр ее заворожил. Все казалось в нем Окси прекрасным, даже шерсть на теле. А какие у него были глаза! Вроде бы обычные, серо-зеленые, но сколько в них всего: и теплота, и озорство, и смешинки, и глубина. Каждая испытываемая эмоция отражалась в глазах Петра, и они загорались по-новому.

Он хорошо отнесся к Оксане. Она была ему приятна и интересна не только как приятельница Лизоньки, но и как личность. Петр жил в Тюмени последние два года, туда его занесла хорошо оплачиваемая работа. С женой он развелся задолго до этого. Лизонька сначала жила с ней, но когда мама вышла замуж второй раз и у нее появился еще один ребенок, слепая девочка стала обузой. Ее не спихивали отцу, Лиза сама попросилась. Петр, естественно, не отказал дочери, но с ним ей тоже не было хорошо. Папа вечно торчал на работе и за ней присматривал специально нанятый человек. Лизоньке же хотелось заботы близкого, его любви и внимания. Тогда Алексей Петрович взял ее к себе. Он жил один, преподавал в педагогическом университете, который находился в десяти минутах ходьбы от дома, и внучка не только не мешала ему, но и помогала чувствовать себя нужным не только чужим детям, студентам, но и своим. Сын вырос как-то сам по себе. Он работал, писал диссертацию. Да и другим был Петр. Все дети того времени отличались от современных, еще и здоровыми были, в отличие от Лизоньки...

Тот Новый год стал судьбоносным для Оксаны. Ее жизнь разделилась на «до» и «после». Ей казалось, что она только тогда повзрослела, когда по-настоящему полюбила.

Петр уехал в свою Тюмень третьего января. Они провожали его втроем: Алексей Петрович, Лиза и Оксана. Ждали его тем же составом. И вот наступил долгожданный апрель. Петр прилетел, но не один, а с женщиной, которую представил своей невестой. Ей обрадовался только Алексей Петрович. Оксана готова была ей глотку перегрызть, а Лиза просто насторожилась. Она прошла через отрицательный опыт: ее мать нашла новую любовь, и это отразилось на Лизе. Теперь будет то же самое, она не сомневалась. А Оксана и не пыталась ее успокоить, наоборот, тихонько подливала масла в огонь.

Через пару месяцев Петр с невестой расстался, хотя и собирался повести под венец. Скорее всего, не из-за Лизоньки, но девочка торжествовала, а Оксана вместе с ней.

Когда у Петра закончился трехгодовой контракт, он вернулся в город. Организовал фирму, поселился отдельно от отца и дочери, купил хорошую квартиру в новостройке в том же районе. Лиза порой ночевала у него и всегда брала с собой старшую подругу. А Оксана тем временем окончила школу, поступила в педагогический университет. Она не хотела, но Алексей Петрович настоял, а как она могла пойти против отца того, с кем мечтала прожить всю жизнь и умереть в один день?

Когда Окси исполнилось восемнадцать, она решила устроиться на работу. Играть на улице можно, когда тебя содержит государство: кормит, поит, дает кров. Но оно, обеспечив Оксану «гостинкой», выпустило ее в вольное плавание. Все они, детдомовские, были недовольны своим положением: ели, что дадут, одевались в вещи, которые не выбирали, делили кров с другими. Но они не понимали, что потом будет сложнее. Ты вырос и... Все! Тебя никто не накормит, не выдаст комплект одежды, не впустит в теплое помещение для ночлега. Крутись сам. И Оксана была не против этого. Она даже считала, что ей повезло – у нее есть своя жилплощадь. Кто в восемнадцать лет ее имеет?

Она попросила Алексея Петровича помочь найти место. У него огромное количество знакомых, кому-то она да понадобится. Оксана готова была на все (в рамках закона и морали). С учетом того, что она училась очно, ее могли занять только в определенные часы. Но свершилось чудо! Ее крестный фей, так она называла старика про себя, уговорил сына взять Оксану на работу.

Она числилась вторым помощником руководителя, но выполняла обязанности горничной. В офисе бывала, но не сидела там, больше в квартире порядок наводила. И видела многое. Главное – ни одна из женщин, что ночуют у Петра, его не достойна. Размалеванные куклы, они оставляли пятна от макияжа на подушках, бардак в ванной, дурацкие мелочи в прихожей, чтобы был повод за ними вернуться. Но эти курицы Оксану не беспокоили – с ними Петр лишь развлекался. Но если появится та, с которой возникнет нечто большее, ее погонят взащей. Умная женщина сразу поймет, что помощница-горничная питает к своему боссу трепетные чувства, и захочет от нее избавиться.

Как-то Петр явился раньше времени. Оксана как раз убиралась, а тут он... И пьяный. Она ни разу не видела его таким. Думала, больше пары фужеров шампанского не пьет (в мусорном ведре находила только пустые бутылки), но оказалось, Петр может и нажраться. Он ввалился в квартиру и сразу плюхнулся

на кровать, но спать не собирался – начал говорить с Окси, которая протирала пыль на мебели.

– Сядь, не мельтеши, – попросил он. – У меня и так вертолетики.

Она опустилась рядом с ним на кровать. Разговор продолжился. Петр был расслаблен и непривычно весел. Хохотал над Оксаной, когда она пыталась умничать. Называл «прелесть, какая дурочка». Трепал за щечки (тогда они у нее еще были), а потом взялся щекотать, чтобы и ее рассмешить, а то сидела, губы дула. Всем юным девушкам хочется, чтобы их воспринимали всерьез. Приятно, если тебя считают просто прелестной, а не дурочкой.

Щекотки Оксана боялась, поэтому вертелась как уж на сковородке, лишь бы увернуться от шаловливых пальчиков Петра. Во время этой шуточной борьбы оба не заметили, как девушка оказалась под ним...

Что было дальше, каждый из них помнил смутно. Петр, потому что был пьян в тот момент... Окси тоже, но не от вина.

Она проснулась первой. Сбегала в душ, потом приготовила кофе и яичницу. Между ног немного болело, но это не страшно. До Петра у Оксаны не было мужчин, но сексуальный опыт имелся. Она шалила со своей подружкой последние полгода, и это было приятно. Однако Окси всегда хотела быть с мужчиной. И вот свершилось. Она лишилась девственности с тем, кого она считала лучшим из лучших. Даже образ солиста «Токио Хотель» мерк на фоне Петра.

Она разбудила его поцелуем. Открыв глаза, Петр несколько секунд мутно смотрел на нее, а потом спросил:

– Ты чего тут делаешь?

Она растерянно ответила:

– Завтрак принесла... Вам, – и протянула поднос.

Петр отстранил его: от запаха жареных яиц его замутило. И кофе он не хотел, только сок. Залпом его выпив, он простонал:

- Ни черта не помню вчерашний вечер...

И тут он увидел на простыне пятнышко крови. Оксана тоже.

- Мы что?.. С тобой... Того? - Он даже не мог связно говорить, блеял, как умственно отсталый.

Оксана кивнула.

- О боже мой!

- Вы не волнуйтесь, я уже совершеннолетняя, - успокоила его она. - И это было по взаимному согласию.

- Я презервативом пользовался?

- Нет.

Петр упал на подушку и закрыл глаза руками - сильными, красивыми, волосатыми... Они так жадно гладили ее юное тело этой ночью.

- Прости меня, Оксана, я не хотел, - проговорил он.

- Хотели. Как и я.

- Нет, я никогда бы не позволил себе затащить в постель подругу своей дочери. Это неправильно... - Он снова глянул на пятно. - А ты еще и невинной была! А я лишил тебя девственности.

- Не велика потеря, - мягко улыбнулась она Петру и положила руку ему на грудь. Мужчина тут же скользнул под одеяло, закрыв доступ к телу.

- Ты не понимаешь... Я обещал тебе, сам того не ведая.

- Я и не собиралась продаваться, - напряглась Окси.

- Ты не такая, конечно. Поэтому я и сокрушаюсь. Кругом шлюхи, сорная трава, а я умудрился растоптать нежный цветочек.

- Повторяю, я не имею к вам претензий.

И потянулась, чтобы поцеловать в губы. Петр изогнул шею, и она попала в ухо.

- Принеси мне кошелек, пожалуйста, - попросил он.

Оксана послушалась. Петр достал из него несколько купюр, протянул ей.

- Это что?

- Деньги.

- Я вижу. Зачем?

- Сбегай в аптеку, купи таблетки, которые принимают после полового акта, чтобы не забеременеть.

- Но этого много.

- Потом зайди в кафе, выпей фрэша, побалуй себя пирожным.

Ее выпроваживали, это очевидно. Не откупались, потому что четыре тысячи - это небольшая сумма. Но на контрацептивы и шикарный завтрак в дорогом кафе хватит.

Оксана деньги не взяла - не нужны ей подачки. А если она забеременела, то на свет появится ребеночек, и она одна его воспитает. От Петра ей ничего, кроме любви, не нужно, но коль он не может ее дать...

Она покинула квартиру, но Петр перехватил ее у лифта. Просил никому не рассказывать. И деньги все же в карман сунул.

Последующие дни они не виделись. Когда Окси являлась в дом Петра, он отсутствовал. Наверное, специально. В конце месяца он вызвал ее к себе в кабинет. Петр сидел за столом в дорогом костюме, тщательной причесанный и выбритый. Красивый, богатый, недоступный – не тот, с кем она провела ночь, совсем другой.

– Как твои дела?

– Хорошо, спасибо.

Конечно, она обманывала. Из-за переживаний она и похудела, и завалила сессию. А еще пришли месячные, то есть не будет у нее ребеночка от мужчины мечты. А она ему и имя придумала – Миша. Почему-то была уверена, что родится мальчик. А если девочка, будет Маша.

– Хочу тебя перевести на другую должность, думаю, ты готова, – сообщил ей Петр. – Хватит тебе с тряпкой по квартире носиться. Будешь в офисе сидеть, клиентов обзванивать.

– Но у меня же учеба.

– У тебя будут три вечерние смены и одна дневная, в субботу. Зарплата вырастет в полтора раза. Ты рада?

Была бы рада... Но Оксана понимала, что Петр намерен отодвинуть ее от себя подальше. Избавиться хотел бы, да совесть не позволяет.

– Спасибо вам, – сказала она.

А что оставалось? Оксана в ноги бы упала и целовала носки его итальянских ботинок, если бы верила в то, что это хоть как-то поможет. Но она знала Петра. Таким поведением она только все испортит. Поэтому нужно соглашаться на все, а там... Как пойдет! Неизвестно, как все обернется.

Окси перевелась в офис. Петра она теперь не видела, даже когда приходила навещать его дочь. Специально выбирала для визитов дни, когда он мог бы явиться, но они ни разу не столкнулись. Петр избегал ее? Или это сама судьба держала их на расстоянии друг от друга?

А Лиза тем временем подрастала и превращалась в монстра. Под ее дудку плясали дед с отцом, и она почувствовала власть... даже не над ними, а над всей вселенной! Слепая пятнадцатилетняя девочка требовала брендовых шмоток, новейших телефонов, косметики «Шанель». У нее была коллекция солнцезащитных очков, которой позавидовал бы сам Элтон Джон. Нарядившись, накрашившись при помощи Оксаны или деда (тот делал, что мог), прикрыв глаза «Прада» и «Дольче Габана», она выплывала из дома, чтобы посидеть в самых пафосных ресторанах. Деду она позволяла себя сопровождать, но больше ей нравилось общество Оксаны. А у той учеба, работа, неотлаженный быт – в «гостинке» то унитаз течет, то батарея. Но она угождала дочери Петра, хотя если бы не он, то послала бы ее подальше. Даже безграничное уважение к Алексею Петровичу не остановило бы.

Оксана ждала Нового года. Она надеялась отметить его с Петром, точнее, не без него. Они с Лизой и ее дедом готовились к нему, придумывали меню, костюмы, развлечения. Решили провести вечеринку в стиле «диско». Даже Алексей Петрович согласился обернуть шею боа из перьев. Для Петра они приготовили кучерявый парик и золотистую рубаху. И он приехал, пусть и не в полночь. Вырядился в костюм и выплясывал под «Баккару».

Праздник получился классным, несмотря на то что Петр старался держаться от Окси подальше. Все равно было весело. Но, как это часто бывает, вечеринка закончилась плачевно: Алексей Петрович, танцуя, упал. Вроде бы ерунда – он посмеялся над своей неуклюжестью, остальные поддержали. Но когда стали поднимать мужчину с пола, он не смог встать. Пришлось звонить в «Скорую». Та все не ехала, и тогда Петр поднял отца на руки и понес его в больницу – она находилась в полутора километрах от дома. Окси трусила за ним, ведя за руку Лизоньку.

Алексея Петровича госпитализировали – он сломал шейку бедра. Врачи сказали: не страшно, он еще не старый, не залежится. И все были настроены позитивно, но Алексей Петрович умер в канун Рождества. Оторвался тромб, такое бывает.

Когда его хоронили, Оксана рыдала так, что пришлось давать ей успокоительное. Никто... Абсолютно никто не относился к ней так душевно, как покойный. Ни любимая воспитательница Наденька Ивановна, ни друг Костя, ни та же Лизонька, подружка... Так называемая. Уже не говоря о Петре!

Когда закончились поминки, Оксана подошла к нему и сказала:

- Я больше не буду приходить в гости к Лизе.

- Почему?

- Теперь я поняла, что она мне никогда особо не нравилась. Не хочу врать, притворяться...

- Нет, так нельзя, - всполошился Петр. - Мы в ответе за тех, кого приручили.

- А за тех, кого трахнули? - Оксана была не в себе, потому вела себя так грубо.

- Я дал тебе хорошую работу.

- Да подавись ей! - Она даже перешла на «ты».

- Давай не будем устраивать истерик на поминках?

- И не начинала... - Оксана на самом деле говорила спокойно и тихо. А что в душе происходило, кому какое дело? - Увольте меня, Петр Алексеевич. По собственному.

И ушла, решив забыть о нем, но ей не дали шанса.

Петр заявился в офис (ее обязали отработать две недели) и позвал Окси на ужин. До этого ни разу не заглядывал, а тут нагрязнул, да еще в ресторан пригласил. Она отказалась. Предполагала, что будет «рояль в кустах», иначе говоря, Лизонька.

- Я хочу по-настоящему с тобой проститься, - сказал Петр.

- Перед тем, как я уволюсь?

- Прежде чем мы переедем.

- Вы?

- Бывшая жена давно перебралась в Канаду, она готова забрать к себе Лизу. Я же возвращаюсь в Тюмень.

- А как же фирма?

- Посажу в свое кресло директора. Если не справится, продам ее.

И Окси пошла в нем в ресторан. Там они напились. Скотски! Пол-литра «Хеннеси» на двоих и с собой бутылка шампанского. Оксана отправилась с Петром к нему домой. Они завалились на кровать, болтали, пили, потом снова занялись сексом, на сей раз с презервативом. И оба, невзирая на состояние, запомнили все.

- Почему ты не давала целовать себя везде, стеснялась? – спросил Петр, когда они проснулись. На сей раз Окси не стала готовить завтрак. Она даже в душ не пошла. Плевать!

- Не хотела к этому привыкать.

- Поэтому и меня не...?

- Нет, – рассмеялась она. – У тебя так много волос на теле, что они постоянно лезут не только в рот, но и в нос.

- Ты такая славная. – Петр потрепал ее по волосам. – Жаль, что между нами ничего не может быть.

- Почему нет?

- Причин множество.

- Назови хотя бы одну.

- Ты очень молода.

- Этот недостаток проходит с годами.

- Да, но у меня нет времени. Я хочу быть счастливым в отношениях сейчас и ищу зрелую женщину.

- Просто ты не влюблен в меня, - заметила Оксана.

- Как и ты в меня, - расхохотался он. Петр не понимал, что он значит для нее. - Я, как это говорили раньше, сорвал цветок твоей невинности, и ты по-особенному относишься ко мне, но... При чем тут любовь?

- А если я скажу, что испытываю именно ее?

- Я тебе не поверю. - И, чмокнув ее в нос, он помчался в ванную.

А через час они расстались, чтобы больше не увидеться. Оксана думала, Петр сообщит о том, когда отбывает в свою Тюмень, но нет... А вот Лизонька с ней связалась, и Окси приехала провожать ее. Но с ней была лишь мать, отец же к этому времени переселился.

С Лизой Окси некоторое время поддерживала связь: отвечала на ее звонки и голосовые сообщения через раз. А перестала на них реагировать после того, как Лизонька сообщила о том, что папа женился на умнице и красавице с семилетним мальчишкой от предыдущего брака.

После Петра у Оксаны никого не было. Она просто жила. Доучивалась, работала. Кое с кем дружила, но не тесно. А потом с Костей случилось несчастье, и она посвятила себя ему.

- Вода кипит! - услышала она его голос и встряхнулась. Забыла, что сидит на кухне и собирается варить пельмени.

- Разделишь со мной трапезу? – спросила Окси, кидаясь к плите, чтобы убавить газ.

- Нет, есть не хочу. А чаю выпил бы.

- Сделаем.

Она бросила пельмени в кастрюлю и включила чайник.

- Какая-то ты не такая, – заметил Костя. Он был прав: Окси вела себя как обычно, вернее, старалась, но ощущала себя «не так». – Это из-за происшествия?

- Не знаю.

- Умер человек. Ты переживаешь. Это нормально.

- Угу.

Она, едва сев, тут же вскочила из-за стола, чтобы помешать пельмени.

- Эй, подруга, посмотри на меня, – проговорил Костя.

- Делай, как я, делай, как я? – вспомнила старую-престарую песню Оксана. А вот кто ее исполнял – нет. – Кстати, кто это пел?

- Я не отстану...

- Знаю, – тяжело вздохнула она, развернулась к другу и выпалила:

- Умер не просто человек, а ЭТА СУКА!

Глава 5

В дверь постучали. Матвей открыл один глаз и, поняв, что находится в своем кабинете, крикнул:

– Кто?

– Котов. – Это была фамилия старшего опера, начальника Лаврика и Васька. – Открывай!

Котов Матвея недолюбливал, и это мягко сказано. Точнее, он его еле терпел.

Поднявшись с дивана, Матвей проследовал к двери и отпер замок. Он вставал ночью, чтобы сходить в туалет, тогда-то и закрылся, а потом вновь погрузился в сон.

Котов хмуро глянул на него и проворчал:

– Воняешь.

То есть запах перегара еще не выветрился? Быть такого не может. Матвей знал свой организм. Когда он вечером приговаривал бутылку водки, то утром легко садился за руль, от него не пахло.

– Ты тоже, – не остался в долгу Абрамов.

– По?том, порохом и конем? – хмыкнул старший опер. Он корчил из себя настоящего мужика, осуждал всех, кто бреет подмышки, стрижет волосы в носу, подпиливает ногти, вместо того чтобы их отгрызть.

– Нет, только по?том. – Не соврал, Котов и дезодорантом не пользовался. – Чего тебе?

– Мне лично от тебя?.. Ничего. Но в девять к тебе явится лучшая подруга гражданки Ортман, а сейчас уже восемь тридцать.

– Я завел будильник на без четверти. Но спасибо, что разбудил.

Он наврал. Но зачем об этом знать Котову?

Закрыв перед его носом дверь, Матвей подошел к раковине, имеющейся в закутке за шкафом, умылся, почистил зубы. Дыхнув на сложенную в горсть ладонь, он убедился, что никакого запаха перегара не осталось.

Абрамов сменил футболку на чистую, сделал себе кофе. Не хватало только пары бутербродов с маслом и сыром. Он обожал их с детства, причем, домашние казались не такими вкусными, как те, что продавали в буфетах, на картонной тарелочке. В те времена, когда у него было полно денег и он мог жрать бутерброды с черной икрой, а хоть бы и ее одну даже ложками, Абрамов не изменял бутербродам с сыром. Лучший завтрак и перекус.

Матвей сделал первый глоток кофе, как в дверь снова постучали. Он решил, что это свидетельница, подруга покойной Златы, но... Визитером оказался мужчина.

- Можно? - робко спросил он.

- Вы кто?

- Я вместо Лены.

- Какой еще?..

- Вы Лену вызывали на допрос. Но она не может прийти. Я за нее.

Их отдел вел не одно дело, поэтому Матвей замешкался. Что за Лена должна явиться? И почему вместо нее приперся этот странный тип... А тип, совершенно определенно, странный, пусть и выглядит обычно. Но что это за фраза «Я за нее!». Как будто они во времена дефицита стоят в очереди за финскими сапогами (сам не застал, но мама рассказывала, занимали с ночи), и та, которой нужно бежать по делам, прислала вместо себя родственника.

- Подруга гражданки Ортман попала в аварию по дороге сюда, - услышал Матвей голос Васи Головина, а в следующую секунду увидел его самого. - Ждет ГИБДД, чтобы оформить страховку.

– Ага, ясно. – Матвей в бумагах, что лежали на столе, нашел имя и фамилию свидетельницы: Елена Павловна Алешина. Но что за тип... вместо нее?

Абрамов получил ответ тут же:

– А это Евгений Раевский, сердечный друг Алешиной, а по совместительству начальник отдела продаж фирмы, которой владела Ортман. Она их познакомила.

Матвей благодарно кивнул коллеге. Теперь все встало на свои места.

– Проходите, Евгений, присаживайтесь. – Он указал «сердечному другу» на стул, а на Васька вопросительно глянул. Тот качнул головой и прикрыл дверь, – присутствовать на беседе не захотел.

Алешин присел на край стула и вытаращился на Матвея огромными, как у лемура, глазами.

Он вообще был каким-то... плюшевым, что ли? Игрушечным. Даже в Ваське было больше мужественности.

– Вы были хорошо знакомы со Златой Эрнестовной? – в первую очередь спросил Абрамов.

– Да.

– Как долго?

– Десять лет.

– Все это время вы на нее работали?

– Нет. Только последние два года. А познакомились мы, когда я еще в институте учился, на третьем курсе. Злата у моей тетки, она швея, одежду под себя подгоняла. Я увидел ее и влюбился.

– Вам было двадцать, а ей сорок?

– Примерно так. Я до Златы о зрелых женщинах не мечтал, ровесницы нравились. Но тут... Просто повернулся. Ухаживал за ней, точнее, волочился, но Злата ни в какую. Ты мне, говорила, как сынок. Я в тень ушел, но из виду ее не терял, мужал.

Матвей скептически посмотрел на Евгения. Похоже, процесс еще не завершен.

– Когда мне исполнилось двадцать семь, я пришел к Злате домой с букетом из сто одной розы, – продолжил Женя. – А у нее была в гостях Лена, подруга. И та сразу меня оценила, сказала, что я чудо-мужик и таких сейчас не найти.

– Это из-за букета?

– Не только. Я предлагал Злате брак. Готов был жить с ней, не имея детей – она была убежденной чалд-фри. Кроме того, я не пью и не курю.

– Да, действительно чудо-мужик, – не без сарказма проговорил Матвей. – Практически идеал.

– До него не дотягиваю. Есть у меня один недостаток, но о нем ни Лена, ни Злата тогда не знали.

– И какой же?

– Я кобель.

Абрамов едва сдержался, чтобы не загоготать. Кто ты? Кобель? Да не смейся, лемурчик!

– В общем, Лена взяла меня в оборот, – продолжил тот, похлопывая глазенками. – Я не сопротивлялся, она женщина интересная. И выглядела лучше Златы. Та, надо сказать, за семь лет обабилась, я просто не хотел этого замечать.

– И вы стали жить с Еленой?

– Сначала просто встречаться, потом да.

- Но к Злате все еще питали?..

- Нет, нет. - Он замахал ручонками. - Все прошло.

- Тогда почему устроились к ней на работу?

- Не хотел, Лена настояла.

- Зачем?

- Я уже говорил о своем недостатке...

- Кобелизме? - ухмыльнулся Матвей.

- Именно. Ничего не могу с собой поделаться, постоянно тянет на разных женщин. Больше на зрелых, но и молоденькие привлекают. У них такие попочки упругие, титечки...

Это уже перебор, подумал Абрамов. Я не сексолог, а следователь. Поэтому рявкнул:

- Короче.

- Я постоянно изменял Лене на своей прежней работе. И она решила, что если я буду под присмотром Златы, то угомонюсь.

- И как, угомонились? - это был вопрос по существу, поэтому Матвей его и задал. Что, если этот озабоченный лемур не перестал изменять сожительнице и его Злата запалила, то... Он мог ее убить. Из собственной практики Абрамов знал, что внешне безобидные люди способны на самые жестокие преступления.

- Не сразу, но... - Лемур грустно улыбнулся. - У Златы не забалуешь.

- Какой она была?

– Доминирующей. Бабой с яйцами. И мне это нравилось. Я представлял себе, как буду подчинять ее в постели...

К счастью, он быстро опомнился и перестал озвучивать свои сексуальные фантазии. «Ты на самом деле такой эротоман или прикидываешься? – подумал Матвей. – Если последнее, то зря. Сексуально озабоченные люди очень нестабильны и вызывают подозрения...»

– Имелись у гражданки Ортман враги? – задал очередной вопрос Абрамов.

– Вряд ли. Недоброжелатели – вполне возможно. Она была жесткой, прямолинейной. Что не нравилось, тут же высказывала в лицо. Таких не очень любят, но злость не копят – сразу понятно, с кем имеешь дело, и не ждешь подвоха.

– Согласен. Но Злату Эрнестовну все же убили. Кто мог желать ее смерти, как считаете?

– Я не верю в предумышленное... Поэтому ответу – никто. Злата, скорее всего, стала случайной жертвой. Нарвалась. Она могла.

Едва он закончил предложение, как дверь распахнулась, и в кабинет вошла дама – элегантная, с приятным лицом. Она походила на преподавательницу словесности в частной гимназии.

– Здравствуйте, я Елена Алешина, – представилась женщина. У нее и голос был учительский, хорошо поставленный. – Извините за опоздание.

– Леночка, все хорошо? – тут же вскочил Евгений и кинулся к ней.

– Да, милый. – Она по-матерински похлопала его по плечу. – Иди, теперь я сама.

– Мне нужно что-то подписать? – спросил «лемур» у Абрамова. Тот покачал головой.

И Евгений покинул кабинет, бросив Елене:

- Подожду тебя в коридоре.

Когда следователь и свидетельница остались наедине, она, еще не сев на стул, выпалила:

- Вы Женькины слова всерьез не принимайте.

- Какие?

- Любые. Он фантазер.

- Ваш сердечный друг ничего не успел рассказать... Разве что о своем кобелизме.

- Любимая тема, - вздохнула Елена.

- Так он не озабоченный?

- Еще какой. Но Женя из теоретиков, а не из террористов... Ну, вы понимаете? - Матвей кивнул. - На прежней работе у него были проблемы из-за этих его разговорчиков, сальных шуток, двусмысленных взглядов... К себе я взять Женю не могла - стыдно, выручила Злата.

- Он был влюблен в нее, да?

- Скорее, озабочен. Злата олицетворяла собой типаж Госпожи, а такие, как Женя, мечтательные тихони, еще и без отца росшие, тянутся к подобным женщинам. Вождеуют их. Она со смехом рассказывала мне, как Женечка своровал ее носки, когда она сняла их у его тетки, и что с ними потом творил, мы только гадали...

- Она не принимала его всерьёз и называла «сынком»?

- Да.

- Но Злата любила мужчин, которые ее значительно младше.

- Да, но сильных, зрелых. Вот вы бы, например, ей понравились.

Угадала, понравился...

- Как долго вы были знакомы со Златой?

- Лет пять. Обе, как дуры, приперлись на «Быстрые свидания». Знаете, что это?

- В кино видел. Размещаются женщины за столиками, к ним мужчины подсаживаются, а через пять минут меняются.

- Именно. Я как раз развелась, не знала, где познакомиться, и носилась по всем мероприятиям. Злата тоже. Но у нас были разные цели. Мне нужен был мужчина для жизни, а ей для секса.

- Она была озабоченной? Как и ваш лемур? - Он не уследил за собой и назвал Женю этим животным.

- Лемур, - усмехнулась Лена. - Да, похож... Нет, Злата была как раз не теоретиком, а практиком. Она говорила, что для полноценного существования ей нужен секс хотя бы раз в неделю. Лучше два. От трех она тоже не отказалась бы, но... Где его, секса, столько взять?

- Завела бы себе постоянного мужика.

- Он имел место быть. Точнее, они. Несколько постоянных было у Златы. Но один женат, другой сильно загружен на работе, третий хочет разнообразия...

- Я про мужа или сожителя. Или Злате тоже требовалось разнообразие?

- Она не была шлюхой. Скорее, женщиной с гибкой моралью. Если нет одного, кто удовлетворит, значит, нужно иметь нескольких. Но жить она ни с кем не хотела. Категорически! Согласилась бы на гостевой брак, но вы, мужчины, к нему не готовы. В нашей стране точно.

- Почему?

- Вам нужна постоянная забота: борщи, свежие носки и прочее.

- Чем закончились тогда ваши короткие свидания?

- Пьянкой. Мы ушли с ней вдвоем и нарезались в баре на набережной. Я слабая, поэтому отключилась первой, и Злата привезла меня к себе, поскольку я не могла назвать свой адрес... - Тут лицо Елены дрогнуло. - Она была очень хорошей. Не душкой - врединой, иногда злючкой, но... Как говорил кто-то из умных, лучше ругаться матом, чем быть вежливой тварью.

- Раневская. И вы чуть переврали ее слова, но я вас понял.

- Мне так жаль Злату, - тихо, с запинкой проговорила Елена. Она старалась не расплакаться.

- Кто мог убить ее?

- Я не знаю никого, кто мог желать ей смерти.

- Кто станет ее наследником, вы не в курсе?

- Завещания она не составляла точно. Мы с ней как-то беседовали на эту тему. Со мной все ясно, есть две дочери, и я надеюсь, они по-честному поделят мое имущество. А у Златы никого. Да, где-то есть дальние родственники, но она ни с кем не зналась и не желала ничего оставлять им. Говорила, что в старости заведет себе юного муженька, который - простите за грубость - затрахает ее до смерти, за что получит наследство. Но она умерла в самом расцвете... - Глаза Елены увлажнились. Зашмыгав носом, она начала искать в сумочке платок. - Злате пятьдесят два должно было исполниться в декабре. Кто в таком возрасте думает о завещании?

Она так и не нашла платка, и Абрамов протянул ей бумажную салфетку. Благодарно кивнув ему, Елена промокнула глаза и вытерла нос.

- Вы знали, что Злата вчера собиралась провести ночь в клубе?

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/olga-volodarskaya/oskolki-hrustal-noy-mechty>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)